
Константин Ежов
Орден во всю спину

Константин Ежов

Орден во всю спину

https://litres.ru/74701913
SelfPub; 2026

Аннотация

Российский директорат. Естественно, другой мир и попаданец. Мир в труху. Почти. И главный герой выживает в нём как может. А мир меняется и меняет всех в нём живущих. Люди не исключения. И не сказать, чтобы никто этого не понял. Поняли, ещё как и учатся пользоваться свалившимися на них силами. Вот и Главному Герою привалило. Что, он пока толком не знает, но человек-то наш, а значит найдёт он свой финтефоберный болт и на эту мятую гайку.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 31
Глава 3 52
Глава 4 75
Конец ознакомительного фрагмента. 79

Константин Ежов
Орден во всю спину

Глава 1

Проснулся в вязкой, беспокойной темноте. Если что, то зовут меня Ярослав Косой. Последнее, если что, не фамилия, не дорос ещё до такого, а кличка. Ей богу не знаю, за что меня так, и с глазами всё в порядке, да и в целом скорее точностью отличаюсь. Наверное, в пику так обозвали. Но если разобраться мне по фиг! Но теперь прозвище не просто прилипло, а так и используется, как фамилия. Так вот, пот лился с меня ручьём – потому первым делом провёл рукой по лбу, стирая испарину, и с трудом перевёл дыхание. Сердце колотилось, как птица в клетке. Всё тело ныло, словно его всю ночь месили и скручивали невидимые руки. Потом откинул накинутую на плечи тонкую байковую простыню, кстати, всё время считал, что это тонкое шерстяное одеяло, но здесь её называют простынёй, прости Господи и приподнялся на локтях.

Здесь – это в Российском Директорате…. Да, вы правильно догадались, перед вами самый всамделишный попаданец из самой обыкновенной Российской Федерации. И не смотрите на то, что в названиях присутствует слово российский.

Ничего общего эти государственные образования между собой не имеют, от слова вообще. Во-первых, директорат, судя по всему, образование, слившегося в экстазе государства и корпорантов. И находится оно явно где-то южнее, но точно не скажу, карту никакую глобальную не видел, а местная вообще никаких ассоциаций с родным миром не вызывает. И вообще у них тут мир постапокалипсиса, но об этом позже.

Так вот, у дверного проёма, подсвеченный тусклым лунным светом, стоял мальчишка лет четырнадцати – худенький, с вечно заспанными глазами, в растянутой серой футболке. Он почти сливался с тенью, но в руке отчётливо белел костяной нож.

- Лёшка… что-то случилось? – прохрипел потрясённо, с трудом узнавая собственный голос. Так-то, довольно часто мучился ночами, но эта выдалась особенно тяжёлой и нозящей.

Кстати, Лёшка – это Алексей Проныра. Где он себе такую кликуху заработал в душе не …, ну вы поняли. Все вокруг звали его просто – Лёшка. На первый взгляд – типичный подросток с худым лицом, большими глазами и детской наивностью, которую, впрочем, трудно было не подметить даже в полутьме. Но стоял он с ножом в руке – не как испуганный ребёнок, а как стражник, уставший от долгого дежурства.

- Нет, всё тихо, – покачал головой он, зевнув так широко, будто челюсть готова была соскочить. – Просто услышал, как ты стонешь. Опять тебе что-то мерещится? Ты же сам гово-

рил, что это не болезнь, но даже городской доктор плечами пожимает…

М-да, медицина нам здесь только снилась, так что не обольщайтесь званием доктор. Ну, а пока просто сел, скрестив ноги, и в темноте мой голос прозвучал почти стальным:

- Это не болезнь. Уже ведь говорил. Не стоит тебе забивать этим голову. Скоро рассветёт, и мне пора на охоту. А ты бы поспал немного. В школу нужно идти, если хочешь успеть к утренним занятиям.

Пришлось здесь многому научиться, о чем даже не думал в родном мире, а иначе никак. Спасение утопающих, исключительно дело рук самих утопающих. Да и школа здесь…. Ну, сравнить её могу разве что с церковно-приходской девятнадцатого века в нашем мире. И учитель там всего один. Да и платить даже за это нужно, ведь учителя никто никак не содержит. Лёшка опустил глаза и буркнул:

- Да какой в этом смысл…. Школа… в этой глуши….

В целом он прав, но совсем без образования никак. Хоть писать и считать научат. А может ещё и чему получше. Потому подался вперёд, взгляд у меня по любому стал серьёзным, будто в голове прозвучал какой-то внутренний приказ:

- Учёба может спасти тебе жизнь. Даже здесь. Особенно здесь.

Подросток замялся, потом вдруг выпалил:

- А можно мне с тобой? На охоту. Я тоже хочу!

Он стоял со сжатыми кулаками, чуть выдвинув подборо-

док вперёд, как это делают мальчишки, уверенные, что сейчас будут спорить до последнего. Лёшка не был храбрецом. Но он хотел стать им. И по-своему уже начинал путь.

Этот момент ничего ему не ответил. Только смотрел на него долго, видимо, с каким-то странным выражением – будто видел сразу и взрослого мужчину в будущем, и всё того же испуганного подростка, цепляющегося за сны о героизме.

- А кто будет стоять на страже ночью, если вдруг с тобой что-то случится? Неужели я? Тот, кто вечно без сознания?! – усмехнувшись, задал ему вопрос, затем тяжело поднялся с лежанки и потянулся. Спина хрустнула, как старое дерево от ветра.

Не стал тратить время на пререкания. Натянул видавшую виды куртку, закинул через плечо вязаную сумку и, не дожидаясь рассвета, направился к единственному водозабору подола. Да, водопровода здесь не было, как класса и воду можно было взять только в одном месте. В это время суток было относительно безопасно – по крайней мере, меньше шансов нарваться на мародёров или бродячих псов, сброда здесь хватало.

Ночами в этих краях царил полный беспредел.

***

Облака висели над землёй низко и зло. Громоздились, словно надвигающийся кошмар, под которым сгущалась

кромешная тьма. Ветер носился по пустоши, как бешеный зверь, срывая пыль с камней и хлеща ею по лицу.

Первая капля дождя – мутная, едкая, с кисловатым запахом ржавчины – с шипением упала в сухую землю. И хотя упала она в нескольких шагах, Ярослав почувствовал: не успеет – будет поздно. Да, дождик тут тоже ни фига не обычный.

В тот момент лежал ничком, затаившись среди жухлой травы и пепельных кустов, чувствуя, как меня обволакивает не просто сырость, а сама безысходность. Кажется, сегодня удача повернулась ко мне совсем не тем местом, тем что пониже спины, если культурно выражаться: дичь так и не показалась, а кислотный дождь уже начинал накрапывать.

Кто-то, когда-то сказал мне: "Берегись зверья в пустоши. Оно не простое". И был прав. Но звери – не самое страшное. Тут убить могло всё: ветер, дождь, случайная яма, и даже собственная усталость.

Но, несмотря на всё это, всё равно не шевелился. Потому как не мог уйти с пустыми руками. Если сегодня ничего не добудет, завтра он и Лёшка сдохнут от голода. А умирать от голода было хуже, чем от клюва или когтей. Ну, может не прямо вот так сразу, но что-то близкое к этому.

Где-то рядом хлопнули крылья. Тут же открыл глаза – мгновенно, но дыхание своё не сбил, сохранил ровным, словно продолжал спать. Он знал, как важна сейчас каждое мгновение.

Перед ним, невдалеке, лежал вверх дном чёрный котёл, типа казан, только не такой массивный и тяжёлый, подпёртый веткой. Вокруг – несколько размоченных крошек хлеба. Даже им пожертвовал, а знали бы вы, как нормальный хлеб здесь сложно достать, слава богу это был самый дешманский и почти доступный всем. Слово почти, вовсе не шутка. Както так. И вот, ловушка готова.

Вскоре с небес спустилась крупная птица – почти с гуся размером, тёмно-серая, с чернильным отливом. Не сказал бы даже что пернатый была сильно меньше котла. Она настороженно огляделась, пару раз вздрогнула крыльями, будто не доверяла своей удаче. Потом – шаг, второй… И вот уже она почти у крошек.

Как только её голова потянулась к еде, резко дёрнул за верёвку. Ветка выскочила, котёл рухнул. В следующее мгновение он ринулся вперёд, как снаряд, вжался всем телом в котёл, прижимая его к земле. Вы же помните, птица не так и мала, а котёл не так и тяжёл, так что всё это было не лишним.

- Фух… – выдохнул с облегчением, вытирая пот со лба. – Есть.

Вздохнул прямо-таки с облегчением, когда после целой ночи ожидания, ну почти, сумел-таки поймать этого воробья. Да, этот почти гусь был местным воробьём. К счастью, все мои усилия не пропали даром, тем более, что такую возможность было трудно найти.

Шум из-под котла стоял знатный – воробей не собирал-

ся сдаваться, птица билась, шипела и царапалась изнутри. Но это уже не имело значения. После ночи, полной холода и ожидания, у него, наконец, был ужин. Потенциальный!

Издалека донёсся еле слышный звон – сигнал из крепости, сообщающий о наступлении очередного часа. Да, вот такие тут часы. Прямо, как кремлёвские куранты, но без циферблата и как склянка на корабле. Так что повернул голову и посмотрел в сторону крепости. Да, весь их посад был возле этой крепости. Когда же, ну, когда же он сможет перевезти туда Лёшку? В крепости хотя бы есть еда, крыша, порядок. Там – живут, а здесь – выживают.

Но желания было недостаточно. Чтобы попасть внутрь, надо было иметь документы, связи или деньги. Ничего из этого у меня не было.

Постепенно шевеление под котлом стихло. Наконец довольно выдохнул, проверил, плотно ли обмотана рука тряпкой, и осторожно приподнял котёл, приоткрыв щёлку. Сунул руку внутрь, чтобы схватить птицу.

И тут же вскрикнул. Из-под котла с силой вылетела его рука – на ладони зияла кровоточащая рана. Птица клюнула так, что даже ткань не спасла.

- Да чтоб тебя…, – прошипел зло сквозь зубы.

Потом снял куртку, наспех обмотал ею руку, и с новой яростью полез обратно. На этот раз схватил за шею. Пальцы сомкнулись крепко. Сильный поворот. Треск.

Птица затихла.

И довольно затих на земле, тяжело дыша, с мёртвым воробьём в руке. Куртка была изодрана когтями, пальцы жгло от боли, но он победил. И у них будет еда.

Хотя бы на сегодня.

***

Всё дальнейшее произошло для меня внезапно. Потому не удивительно, что резко сбился с шага, словно ноги подкосились сами собой. Мир вокруг на миг потускнел, будто кто-то задул лампу, и разум захлестнула густая, вязкая темнота. Глухой удар, как будто медный колокол пробил внутри черепа, эхом прокатился в голове.

Так что рухнул на колени, обхватив голову руками. Земля подо мной была сухой, покрытой растрескавшейся пылью, но он едва это заметил. Кислотный дождь так и не разошёлся.

"Чёрт… В прошлый раз это началось только после полуночи. Почему сейчас так рано?.."

Подобное странное состояние было с мной не в первый раз. Все в округе знали, что у Косого "не всё в порядке с головой" – об этом шептались старушки, обсуждали между собой беженцы, и даже врач из подола разводил руками. Никто не знал, что со мной происходит. Не эпилепсия и ладно, но это уже моё мнение.

Но сам при этом знал: это не боль. Это нечто другое. Такое чувство, будто выпадал из мира – не терял сознание, а…

нырял в нечто. В пространство вне реальности. И сейчас было по-другому. Намного отчётливее. Тьма внутри него вдруг отступила, открывая… дворец. Вот тут-то реально ошизел. Это как это мать его ети?! Да, настоящий дворец – мрачный, величественный, будто вышедший из старинной гравюры, с высокими шпилями и каменными стенами, покрытыми древними письменами. Видение было настолько реальным, что на мгновение подумал, что в какой-то новый мир попал.

Потом открыл глаза. Сердце колотилось. Наверное, всё-таки привиделось. Но возник законный вопрос:

- Почему в этот раз очнулся так быстро?..

Слишком много вопросов. Но времени на ответы не было. Он должен был вернуться обратно, в подол под крепостью 334, пока не начался настоящий кислотный ливень.

Потому поднялся, связал лапы у пойманного воробья – пернатого гиганта, размером почти с гусыню – и забросил тушку за плечо. Затем поднял закопчённый чёрный котёл, бывший для него одновременно ловушкой и теперь – укрытием. В мгновение ока он водрузил его над головой, благо он не был таким глубоким как казан, а больше напоминал глубокую тарелку, в этом смысле, будто крышу, и бросился в сторону ворот подола.

Небо хмурилось всё сильнее. Капли кислоты, тяжёлые и колючие, начали сыпаться на котёл с отчётливым звоном. Каждая – как маленький удар. Но, несмотря на это, шёл, пригнувшись, шаг за шагом пробираясь вперёд сквозь злобный,

стальной дождь.

Но на его пути вырос силуэт – человек в обрывках одежды, с костяным ножом в руке.

- Сдавай добычу, – рявкнул он.

Но не успел он договорить, как котёл, ловко сдёрнутый мной с плеча, с грохотом опустился ему внезапному противнику прямо в лицо!

- Мать твою! – воскликнул налётчик, падая на спину. Он не ожидал такого быстрого отпора – атака была стремительной, решительной, как у воина, а не голодного паренька.

Он успел лишь уловить, как в следующее мгновение котёл вновь оказался над головой нападавшего, и тот, не теряя ни секунды, снова понёсся прочь. Всё это заняло меньше двух секунд.

Вор лежал, ошеломлённый, смотрел в мрачное небо, по лицу капал кислотный дождь. Он шипел на коже, оставляя покраснения. Было больно.

- Чего это он?.. – пробормотал он. – Так… быстро….

Он всё ещё не встал, как вдруг снова услышал приближающиеся шаги. Сначала не поверил. Но да, тот парень возвращался. С тем же спокойным лицом, будто забыл что-то и просто вернулся забрать.

- Эй, ты… – прохрипел вор, – ты чего?.. Погоди, может, договоримся?.. Ну я ведь тоже… ну… пострадавшая сторона….

Но мне было насрать на его слова. И вообще, так-то не

было в планах возвращаться, но беда в том, что отчетливо услышал, как раздался голос прямо в моей голове.

"Квест: подарите кому-нибудь вашу добычу."

Нет, правильно, сначала подумал шиза. Но потом засомневался. Уж больно складно она глаголила. Да ещё и в том тоне, словно в книжках про ЛитРПГ когда игроки во всякие игрульки играли. Но я -то не играл, а значит, тут натуральное РеалРПГ корячилось. Другой вопрос, с чего бы. Никаких систем в мир не приходило, а может и приходило, но никому об этом не сказало, а это, как понимаете, почти одно и тоже. В общем, практика критерий истины. И как всякий уважающий себя попаданец с научным складом ума, решил проверить. Так что сейчас посмотрел на горе бандюгана с интересом, но без враждебности.

- Тебе нужен воробей? – задал ему конкретный вопрос, глядя прямо в глаза.

- Конечно нужен! – вспыхнул вор, глаза его заблестели.

Знал бы ты падла, как он мне самому нужен, но опыт нужно ставить. А этот чел прямо сам просится в лабораторные мыши.

- На, держи, – и, без лишних слов, сунул птицу ему в руки и повернулся, будто сделал самое обыденное дело в жизни.

И в тот же миг в его голове прозвучал чужой, незнакомый голос – чётко, с оттенком чего-то потустороннего:

"Квест выполнен: Подарите кому-нибудь вашу добычу."

Награда: Базовый Свиток Дублирования Навыков. Вы мо-

жете использовать его, чтобы перенять один навык другого человека.

И тут пришлось резко остановиться, потому как ощутил, как в моём разуме – прямо посреди той чернильной тьмы, что раньше залила всё сознание, – проявился пергамент. Настоящий, кожаный, с непонятными символами. И при этом всё время знал, чувствовал: это не глюк. Это – настоящее. Всё менялось. Твою же налево… походу правда РеалРПГ. А если такое сейчас со всеми…. Нет, тот дурак ничего пробного явно не ощущал. Вот как живо воробья забрал. Значит, не для всех это. А потом меня огрело осознание. Базовый Свиток Дублирования Навыков! Твою налево….

- Да, Свиток Дублирования Навыков?.. – остановился озарённый новой мыслью, озадаченно всматриваясь в пустоту, будто слова прозвучали не в голове, а прямо над ухом. – Что значит "копировать чужие навыки"?.. Охоту? Выживание? Или что-то ещё?.. Как это вообще работает?..

Вмиг почувствовал, как воображаемый пергамент внутри сознания начал медленно вращаться, разбрасывая искры мысли — загадочные, тёплые и пугающие одновременно. Это что же, есть и другие навыки и РеалРПГ – это только для меня, что ли? Да ну на…. Так не бывает… или бывает?

Тем временем вор, всё ещё сидящий на земле, прижимал к груди тушку гигантского воробья, будто это была редкая ценность, а может, даже дитя.

- Спасибо тебе… ты просто…, – голос его задрожал, он

явно не ожидал подобной доброты. – Ты настоящий человек! Просто... хороший человек!

Он уже собирался разразиться речью о чести, справедливости, о редкости благородства в этом мире. Но не успел. Меня озарила мысль, но раз всё это в реальности, а у него нет никакого инвентаря, да и он явный лох по жизни, то какого чёрта?!

Потому, не говоря ни слова, вдруг резко развернулся и… снова подошёл к нему. Протянул руку. Уверенно, без слов.

- Эй?.. — Вор замер, не понимая.

Тогда просто молча вырвал у него из рук воробья обратно, как человек, который просто передумал давать в долг. Закинул тушку себе на плечо, как ни в чём не бывало, так же молча пошёл прочь, не оборачиваясь.

"Хм, а такое РеалРПГ мне нравится больше!"

И пергамент у меня и воробей. Да блин, сплошной профит!

- Э… что?.. – растерянно выдавил из себя вор, глядя на его удаляющуюся спину. Он не знал, что сказать – то ли обидеться, то ли попытаться догнать, то ли посмеяться над абсурдностью происходящего.

- Что, чёрт возьми, с этим парнем?! – с досадой думал он. – Он что, с ума сошёл? Зачем тогда вообще дарить, если тут же забираешь всё обратно?

Он ещё несколько секунд сидел, хлопая глазами, пока кислотный дождь продолжал тихо шипеть на камнях вокруг.

***

Пока суд да дело вернулся в город позже обычного – из-за вора, из-за странного приступа, который накрыл его, как волна, выбив из реальности. А ещё – из-за этой чертовой птицы, которая стоила мне крови, времени и нескольких минут абсолютного безумия.

Когда наконец увидел, как над городом сгущаются вечерние тучи и небо засияло зловещими отсветами, будто его подкрашивали грязной медью, стало ясно: путь домой будет куда опаснее, чем обычно. В такие часы улицы становились территорией отчаяния.

Днём по городу ещё шатались патрули из крепости. С оружием, в одинаковых бронекостюмах и одинаково бездушными глазами. Следили за порядком – не потому что заботились, нет. Просто если в городе начнётся хаос, это отразится на рабочих руках. А беженцы были для них – ни больше ни меньше, как топливо. Живое и заменимое. Так-то предпочитали использовать роботов, но толи их не хватало, то ли производство накрылось медным тазом, но на самые опасные работы набирали людей с подола.

Ночью же стража уходила обратно за стены крепости. Как по команде.

Именно в это безвременье, между закатом и полным мраком, и вернулся. Ворвавшись в город с котлом, надетым на

голову, как шлем, и добычей за спиной, естественно привлёк к себе взгляды. Кто-то крикнул с обочины, голос хриплый, будто простуженный угольной пылью:

- О! Гляди-ка, Косой сегодня с добычей! Урожайный день, выходит?

К нему обратился человек, лицо которого невозможно было разобрать – слой грязи был таким плотным, что казалось, его кожа стала землисто-серой. Такое впечатление, что он не умывался с рождения, а если и пытался, то только с пылью и потом.

Впрочем, в подоле почти все выглядели так.

Большую часть времени жители города проводили под землёй – в соседней угольной шахте. День за днём, с рассвета до заката, они лезли в чёрные жерла шахты, чтобы выгрызать из неё тонны каменного топлива. Этот уголь потом отправляли в крепость, где он шёл на обогрев, на генераторы и, возможно, даже – на их уютные тёплые ванны. Если честно, не знаю, зачем он им, поскольку энергией крепость обеспечивалась небольшим ядерным реактором. Более того, тут было ещё куча аккумуляторов, так что им было чем запитывать крепостные рейлганы на случай нападения.

Взамен шахтёры получали паёк – несколько ломтей чёрного хлеба, Того самого, который почти всем доступен, иногда пакет сухого картофельного пюре. Откуда они брали их, непонятно. Вроде никто картоху в город не привозил, да и не выращивалось ничего такого внутри, хотя все дома были на-

половину, с южной стороны, оранжереями. И даже пару раз видел, как охранники жрали бананы. В общем, пайку шахтёрам выдавали ровно настолько, чтобы дожить до следующего утра и снова полезть под землю.

Но дело было не только в шахтах. Любая грязная, опасная, бесперспективная работа – всё это падало на плечи беженцев. Всё, что стража в крепости считала ниже своего достоинства.

Чистая вода, к примеру, в городе была на вес золота. Норма – строго по паре литров в день. Больше? Даже не мечтай. Любые дополнительные запасы прятались под замками или вооружённой охраной. А ближайшие природные источники – реки, родники – были слишком опасны. Без шуток. Не столько из-за людей, сколько из-за диких зверей, что тоже искали воду. Но если знать, как….

Потому почти никто в городе не умывался. Лица – в пыли, саже и соли. Образы людей был размытыми, одинаковым – только глаза светились из-под маслянистой грязи. Даже сам, хоть и не работал в шахтах, выглядел не особо лучше – кожа, покрытая копотью, руки – чёрные до локтей, волосы спутаны, под курткой — вечно потёртая рубашка, которой давно не знала мыло. БИЧ, одним словом. Бывший интеллигентный человек.

Но у меня был свой путь.

Не работал на шахтах. Не рыскал по мусоркам. А охотился. Брал от пустоши то, что другие боялись взять. Мой путь

был одинок, труден и страшен, но пока держал в себе нечто другое – выбор. И гордость. А значит, у него было то, чего не могли отнять. А умыться…. Когда удавалось, делал. Другой вопрос, что тратить питьевую воду на это… тоже уже научился считать кощунством. Вода – это жизнь, а чистота – это привилегия. Такая вот она здесь жизнь.

Прошёл мимо и не ответил на приветствие. Не из высокомерия. Просто было в тот момент не до разговоров. Поскольку мечтал о своей лачуге – крохотной хибарке, стоящей у обрыва на краю города, где можно укрыться от ветра, сварить птицу, перевязать руку… и, может быть, немного забыться, пока снова не придёт ночь.

***

Когда решил вернуться в посад не привычной тропой, а по другой – через заросший кустарником овраг, – неожиданно оказался в непосредственной близости от стен крепости. Громадные, мрачные, будто сложенные из самого ночного неба, стены поднимались ввысь, заслоняя звёзды. Ярослав невольно задрал голову – и не увидел вершины: она терялась в темноте, как если бы сама крепость отгораживала себя от мира, которого не хотела знать.

В городе, за исключением этой самой крепости и пары полуразвалившихся ангаров, почти не было капитальных зданий, благо тепло. Всё остальное – жалкие хибары, сколочен-

ные из чего попало: ржавые листы железа, каменные обломки, пластиковые панели, щепки. Люди здесь не строили – они выживали.

А пока шагал уверенно, но как только пересёк границу жилого сектора, насторожился. Моя правая рука сама собой легла на рукоять костяного ножа у пояса, дожил, но что поделать, это почти единственный доступный материал – тяжёлый, неказистый, но выточенный им самим, он не раз спасал ему жизнь.

Улицы были затаённо пустынны, как бывает в бурю. Ни звука. Ни лая собак, ни скрипа дверей. Только шорох ветра и хлюпанье шагов по грязи. Атмосфера была тяжелой, липкой, словно город замер в ожидании беды.

Но не нужно думать, будто не знал это чувство. Не раз его видел его прежде – в глазах охотников, перед тем, как они попадали в засаду. В таких моментах люди с тёмными намерениями обычно выжидают. Но увидев в его руках нож, скрывающиеся в тенях быстро теряли храбрость. Обычно. А вот сейчас было непонятно, как кривая вывезет.

Первая и, пожалуй, самая важная истина, которую усвоил за время жизни в этих краях: никому нельзя доверять. Почти никому… кроме Лёхи.

- Эй, глянь! Ярослав вернулся с добычей, – донёсся до него хриплый шёпот из-за стены какой-то халупы.

- Да какая там добыча, – отозвался второй голос, пренебрежительный. – Всего лишь птица, воробей, кажется….

- Ты ослеп, что ли? Эта птица с воробьём только по названию схожа. Я помню, в докатаклизменных учебниках такие здоровяки назывались орлами. Или беркутами.

- Не нарывайся на него. Ты не знаешь, через что он прошёл, – подытожил третий голос, и шепот оборвался, будто срезан ножом. Кто-то явно был в курсе моего здешнего прошлого. Это тоже настораживало.

Потому, не оборачиваясь, распахнул тряпичную занавеску своей лачуги. Тепло, повисшее внутри, как клуб пара от похлёбки, окутало его. Словно проскользнул в другую реальность, он расслабился – на короткий миг.

Лёшка сидел у столика, склонившись над тетрадью. Кривые буквы плясали под карандашом, а сам мальчишка выглядел, как ни в чём не бывало.

- Ты воробья принёс? – в голосе прозвучало восхищение.

Он даже чуть не перевернул чернильницу, вскочив на ноги.

- Почему ты не зажёг лампу? – хмуро спросил его, проходя внутрь.

Лёха был трудным мальчишкой, часто упрямым и импульсивным. Но рядом с мной – он словно менялся. Послушный, старательный, будто младший брат, старающийся заслужить уважение.

- Хотел сэкономить. Керосин у нас почти на донышке, – виновато пробормотал он, почесав затылок.

Да, у нас керосиновая лампа, правда не уверен, что рабо-

тает она на керосине, пахло топливо не так, но похоже на него и все его так называют. Ладно, дело десятое. Сейчас склонился, поставил птичью тушку на стол и строго посмотрел на него:

- А если ты испортишь зрение? Что тогда?

- Ну… – Лёшка развёл руками. – Учитель рассказывал, что до Катаклизма были такие штуки – "очки". Если зрение портилось, их надевали, и всё было видно. Только теперь их можно найти разве что в крепости.

На это лишь усмехнулся, как человек, который видел слишком многое, чтобы принимать на веру красивые истории. Тем боле знал, что это такое на самом деле и какая проблема их достать в этом мире. Так что надежда на очки сродни надежде на чудо.

- Видел как-то одного, кто такую штуку носил. Очки, да. Вот только в пустоши они тебе не помогут. Упали – и ты слеп. Всё. И если рядом зверь или обрыв – ты покойник. Не слушай ты своего учителя. Не всё, что он говорит, – правда.

- Но тогда… почему ты заставляешь меня ходить в школу? – Лёха посмотрел с обидой, в голосе прозвучал вызов.

На это лишь промолчал. Слово, которое собирался сказать, так и застряло где-то в горле. Он отвёл взгляд, будто внезапно оказался перед вопросом, на который сам не знал ответа.

- Почему ты продолжаешь болтать? – грозно, ладно, надеюсь грозно посмотрел на Лёшку, не отрываясь от разделки

туши.

- А когда я смогу пойти на охоту с тобой? – не унимался тот, сидя на табуретке у стены, болтая ногами.

- Тебе всего четырнадцать. Зачем тебе это? Если будешь хорошо учиться, тебе не придётся охотиться. Разве не лучше изучать бухгалтерию, физику или химию, чем бегать по лесам и рисковать шеей?

- Разве тебе самому не семнадцать? – парировал Лёнька, уставившись ему прямо в глаза. В его голосе была обида и… правда.

Да, реципиент мне достался молодой, только не сказал бы что это прямо офигеть как здорово в таком-то мире. В эту эпоху даже отребье понимало, что знание – сила. Нужно было потерять, чтобы наконец понять, что бесплатно – это не значит никому не нужно, тем более, что здесь за обучение приходится платить. За учителями, как за шаманами, ходили целыми семьями. Их никто не трогал, даже бандиты. Потому что знали: убьёшь учителя – обречёшь своё потомство. Попробуй потом найди учителя….

Образование стоило дорого. Чернила, тетради, право слушать лекции – всё это нужно было покупать. Будем говорить прямо, тоже с радостью сидел на уроках, если бы кто-то бы меня содержал, как сам Лёху. Так что обойдусь, тем более у меня уже была возможность походить в школу. Знал бы тогда, какая это привилегия….

А пока молча поддел ножом грудную кость туши и ловко

отделил мякоть. Котёл над огнём вскипал, срывая крышку от пара. Эта вода была не совсем питьевой, но после кипячения….

- Что вам сегодня рассказывал учитель? – спросил его, не глядя. – Если что, могу оставить тебе только внутренности. Завтра надо идти на рынок, продавать мясо. Без денег ни лампы, ни угля, ни соли.

Лёнька молчал, потом прищурился, заметив тёмную полоску на его руке.

- Ты ранен? – нахмурился он, подойдя ближе. – Это от воробья?

На предплечье, чуть выше кисти, зиял свежий порез – неглубокий, но кривой и ярко-красный, слава Богу, кровь уже свернулась.

Пламя в костре вспыхнуло, осветив на миг моё лицо. Оно было сосредоточенным, упрямым и немного усталым.

- Просто царапина, – ответил он, будто отмахиваясь от мухи.

Повисла тишина. Котёл забулькал, пара капель вылетели на край и зашипели, попав в огонь. Спустя пару минут Ярослав выловил ливера и осторожно положил их в деревянную миску.

- Ешь.

Лёнька сжал губы. Его глаза стали подозрительно влажными.

- Не хочу. Это тебе нужнее. Чтобы рана скорее зажила, –

выдавил он, уставившись в пол.

- У меня есть суп, – тихо сказал ему. – И хлеб чёрствый. Переживу.

- Нет, – Лёшка вскинул голову. – Это не просто царапина. Я видел, как у одного мужика гной пошёл, и он умер от обычного пореза. У нас нет мазей, ни бинтов. Я не позволю тебе умереть из-за какого-то воробья.

Бах!

Лёгкий, но звонкий шлепок по щеке. Бил не от злости – это было как пробуждение.

- Запомни: ты и я не имеем права на слёзы. Мир сожрёт тебя, если заплачешь. Этот мир не прощает слабости.

Да, жопа как она есть. Поднял голову, смотрел на Лёшку с каменным лицом:

Если ты будешь голодным и слабым, а меня ранят – что тогда? Кто защитит тебя? Кто понесёт меня, если рухну в грязь?

Лёшка всхлипнул, вырвал из его рук миску с органами и жадно съел всё, почти не жуя. Он заставил себя проглотить всё без капли слёз. Хотел быть сильным.

- Молодец. Теперь, как доешь – принеси чистую тряпку. Нужно перевязать рану.

- Хорошо.

- Ты на улице весь такой резкий, болтливый, как сверчок, – буркнул ему вдогонку, раздувая огонь. – А дома – сидишь, будто тебя водой окатили. Что-то случилось в городе?

- Ага, точно! – оживился Лёнька, копаясь в сундуке с тряпками. – Сегодня из крепости вышли какие-то люди. Все в одинаковых куртках, с эмблемой. Сказали, что ищут проводника – хотят пройти через горы Урал, сами понимает, ни одним боком они наш Урал не напоминают, и попасть в Крепость 333. Через чёртовы горы! Представляешь? Да, здесь это реально чёртовы горы.

Потому поднял голову. Моё лицо на миг напряглось.

- Через Урал? Да они самоубийцы.

- Да. Но, говорят, у них есть карты. И снаряжение. И деньги.

Он ничего не ответил. Лишь молча подбросил в костёр щепку, отчего пламя вспыхнуло ярче. Свет упал на его лицо, на котором отражались мысли и тени прошлого.

- Лёх, запомни. Если кто-то из них вдруг заговорит с тобой – не отвечай. Ни слова. Даже если предложат шоколад.

- Я что, совсем дурак? – фыркнул Лёшка.

- Нет. Но ты ещё ребёнок. А у тех, кто идёт в уральские горы по собственной воле, – в глазах смерть. Такие не спрашивают – они просто берут. И если ты попадёшься под руку...

В тот момент не договорил. Не нужно было. Лёшка понял.

И в ту ночь, за тонкими стенами, сделанными из старых афиш и оцинкованного железа, они ужинали молча – охотник и возможно его будущий наследник, каждый со своими страхами.

Потрескивающий огонь бросал дрожащие отблески на закопчённые стены лачуги, отбрасывая на пол тени, будто шевелящиеся призраки. Воздух внутри пах копчёным мясом, горячим супом и чуть-чуть гарью — привычный уют в этом грязном, запылённом мире. Немного подумав поднялся с корточек и выпрямился, хрустнув суставами – всё-таки день выдался тяжёлым. Как обычно даже не снял верхней одежды: в этой глуши нельзя было позволить себе слабость, даже дома.

- Они хотят дойти до Крепости 333?.. — пробормотал он, нахмурив брови.

Мой голос, обычно спокойный, сейчас прозвучал с едва заметной ноткой тревоги.

- И через уральские горы, да ещё настаивают на этом?

Взгляд метнулся в сторону, будто пытался узреть сквозь деревянные стены тех, кто вынашивал такие наивные и безрассудные планы. Где-то вдалеке, за пределами этой разваливающейся хибары, тянулись покрытые туманом и буреломом горы, настоящие каменные великаны, пожирающие путников без следа.

Сидевший неподалёку, у стены, Лёшка вскинул глаза, в которых сверкнул живой интерес. Он моргнул, будто оценивая, стоит ли говорить дальше, и всё же решился:

- А вдруг они придут за тобой? Ведь все знают, что ты отлично знаешь эти земли, – и, сделав короткую паузу, доба-

вил, – говорят, они музыканты. И певцы. Из Крепости 334. Приглашены выступать в 333-й. Ты только представь… Музыканты, Ярослав!

Он мечтательно посмотрел на огонь, будто уже слышал в своём воображении нежные аккорды и человеческий голос, чистый, как родник в горах. Но на это лишь резко оборвал его грёзы.

- Пусть идут, куда хотят, – буркнул, сжав губы. – Но ты держись от них подальше. В этих людях что-то не так. Не зря у меня кожа пошла мурашками, как только ты их упомянул.

После чего снова сел ближе к огню, словно желая согреться не только телом, но и мыслями.

- Музыканты… – повторил с иронией. – В этом мире?

Реально ведь вынос мозга. Или им там вообще делать нечего. От этих мыслей бросило в лёгкую дрожь – не от холода, а от странного чувства. Какой в этом всём смысл? В мире, где за глоток воды можно умереть, за кусок хлеба – убить… зачем кому-то петь? Какая дикая пропасть меду крепостью и подолом.

Потом вспомнил увиденные вырванные страницы из старых книг, где описывались сцены: сверкающая сцена, толпа людей, смех, аплодисменты, песни – всё это казалось иллюзией, миражом, эхом прошлого, которое не имело права на жизнь в их мире. И теперь выясняется, что всё это по-прежнему существует, только не здесь, не для меня.

Но, как ни странно, что-то внутри вдруг что-то отозвалось

– слабое, но упорное. Любопытство.

Сжал ладони, словно пытаясь поймать невидимую мысль. Он не доверял пришлым. Никому не доверял. Но если у кого-то ещё осталась музыка – может, и человечность ещё жива?

Глава 2

Ночь опустилась на пустошь, как тяжёлое ватное одеяло, обволакивая землю холодом и тишиной. Внутри лачуги было сыро, но и тепло одновременно – жар от костра ещё хранился в глиняных стенах. Ярослав уже спал. Лёгкое посапывание доносилось с его стороны, еле различимое на фоне ветра, что выл за окном, словно кто-то потерянный звал на помощь.

За весь долгий день, проведённый в ожидании в этом негостеприимном краю, ему удалось поймать всего одного жирного воробья. Маленькая добыча, относительно, естественно, если бы не нужно было продавать почти всё и самое лучшее, то и егобы хватило, но увы, так что и этому приходилось радоваться. Хотя большую часть времени он пролежал, затаившись в высокой траве, почти не шевелясь, – это только для стороннего наблюдателя казалось отдыхом. Любой выживальщик, кто хоть раз был на грани, знал: держать мышцы в напряжении, сохраняя готовность к рывку или выстрелу, даже лёжа, – та ещё мука. Это выматывало не меньше, чем бег или бой.

Перед тем как сдаться сну, Ярослав снова глухо проговорил, не открывая глаз:

- Если увидишь тех чужаков – обойди стороной. Понял? Люди с нормальной головой не пойдут через уральские горы. Там смерть ходит открыто. Значит, у них или иного выхода

нет, или иные цели. А может, и вовсе не люди они, как надо бы понимать.

Лёшка кивнул, словно взрослый:

- Понял, Косой. Обещаю.

И тишина вновь наполнила лачугу. Но на самом деле это молчание было насыщенным. В нём жила странная связь двух людей, которые называли себя просто – напарниками. Хотя каждый понимал: за этим названием пряталось нечто более хрупкое и важное, чем сговор ради выживания.

Их история начиналась, как и многие здесь – со страха, случайности и боли. Несколько лет назад они даже не знали друг о друге. Мальчишка – брошенный и избитый, Ярослав – одинокий и угрюмый. А потом… случилось то, что нельзя забыть. Взял и принял решение – защищать. Потому что Лёшка случайно узнал нечто, чего знать не должен был. И потому, что сам Ярослав страдал от головной боли, порой такой сильной, что по ночам ему требовалась охрана – кто-то, кто поднимет тревогу, если рядом появится враг.

Тогда прямо и сказал ему: "Ты со мной, пока выгодно. Ты сторожишь ночью – то кормлю днём. Мы не друзья. Мы – сделка".

И всё же, с тех пор прошло слишком много вечеров у одного очага, слишком много выстраданных дней. Чёрт возьми, даже привычки стали одинаковыми. И было ли это до сих пор просто взаимовыгодным союзом?.. Нет. Что-то изменилось. Хотя и не говорили об этом вслух.

На улице ветер завыл громче. Лёха, свернувшись в одеяле, бросил взгляд на спящего Ярослава. Его лицо – суровое, обветренное, с лёгкими морщинами у рта – сейчас казалось почти мирным.

- Он спас меня. Пусть и не признаёт этого. Но я это знаю, – подумал Лёха.

Он и сам был умён, сообразителен, особенно снаружи, в городе или на тропе. Но только рядом с Косым становился тише, осторожнее. Почти как младший брат рядом с старшим. Почти.

Ярослав же, хотя и лежал с закрытыми глазами, не спал совсем. Он наблюдал. Прислушивался к себе. К тем переменам, что уже давно свербили где-то в глубине его разума.

Сегодня он задержался на охоте дольше обычного. Ему нужно было проверить – не повторится ли опять это странное состояние, которое он сам называл помутнением. Не придёт ли вновь та пугающая, вязкая тьма, которая застилала разум, делала движения чужими, мысли – путаными?

Но на этот раз – ничего. Ни волн, ни боли, ни чёрного тумана в голове.

Возможно, болезнь ушла. Или притихла. А может… что-то другое теперь заняло её место.

Он не знал.

Но был почти уверен: тот таинственный внутренний дворец, что являлся ему во сне, всегда исчезал именно в те моменты, когда ум его был затуманен. И теперь, когда разум

очистился, что-то подсказывало: дворец скоро вернётся. Или откроется по-настоящему.

Косой ворочался во сне. Где-то в глубине сознания, за пеленой тьмы и тревожных ощущений, он пытался разглядеть тот самый дворец – место, что мерцало в его мыслях, как мираж в пустыне. Что-то было там. Что-то важное. И, возможно, опасное.

В это время Лёха, не в силах сомкнуть глаз, поднял с пола костяной нож – самодельное оружие, вырезанное из лопатки дикого оленя, – и устроился у входа в лачугу. Занавеска из старого мешковины покачивалась под редкими порывами ветра. Осенний воздух уже нёс в себе запахи сырой листвы и близкой стужи.

Дождь, шедший без перерыва почти весь вечер, наконец утих. Осталась лишь тишина, наполненная звуками капель, что стекали с крыши и падали на грязный дворик.

Вдруг тишину нарушили шаги – осторожные, пружинистые, но всё равно заметные. Сырой глиняный грунт издавал хлюпающий, предательски скользкий звук под ногами.

Кто-то приблизился к лачуге. Мешковина зашевелилась, и чей-то силуэт поднял край занавески. В тот же миг костяной нож Лёни оказался прижатым к шее незваного гостя – точнее, гостьи. Как выяснилось почти сразу.

- Ты всё такой же дерзкий, Лёшка, – с усмешкой произнесла она, даже не вздрогнув.

На пороге стояла молодая женщина – тонкая фигура, лицо

с ярко выраженными чертами, чуть простуженный голос. Её звали Лариса Юдина, хотя большинство в округе звали её просто Савкой или старшей сестрой Ольгой.

Лёха хмуро прищурился.

- Это вы, тётя Оля…. А я уж думал, очередные странники. – Он не убрал нож, но рука чуть дрогнула. – Чего вам?

- Услышала, что Косой вернулся, вот и зашла…, – Она улыбнулась, но как-то вымученно, будто это было не первой причиной её визита. – Он как, в порядке?

- Спит, – коротко ответил Лёха. – Если хотите передать что-то – скажите мне. Я уж как-нибудь запомню.

Юдина на миг замялась. Что-то в её лице дрогнуло – грусть, тревога, может, даже раздражение.

- Он… не ранен? Там, в пустоши?

- Воробей клюнул, – пожал плечами Лёшка, — но вы ведь знаете, он не из тех, кого можно сломать. И, если уж на то пошло, – мальчишка склонил голову набок, прищурившись, – вы на восемь лет старше его. Никак не похоже, что вы просто соседка, переживающая за здоровье.

Лариска вздохнула. С её губ сорвался лёгкий смешок, будто она только что узнала у этого подростка больше, чем хотела бы.

- Дерзкий ты, Лёшка. Я ж считаю тебя своим вторым младшим братом, а ты мне нож к горлу. Вот как теперь с вами, мужиками, а?

Она потянулась к сумке – Лёха мгновенно напрягся, но

женщина вытащила лишь скрученную самокрутку и зажигалку. Обычную, но с характерным логотипом угольной шахты – вещь, которую редко встретишь у обычных жителей.

Вид у сигареты был специфический: такие обычно выдавали там же на шахтах и прочих объектах, где условия работы были сродни аду. Говорили, что сигареты эти – с добавками. Что вызывают привыкание сильнее голода. За них многие шли в такие места работать – не за пайку, не за крышу, а за дозу.

И всё же Юдина не походила на шахтёрку. Ни руками, ни походкой, ни по запаху.

Она закурила, сделала пару медленных затяжек, стоя у входа. Лёха молча наблюдал, не убирая ножа.

- Странная она... Зачем пришла? Не к Ярославу же, просто так, посреди ночи, – подумал он.

Но вслух ничего не сказал.

А Лариска смотрела куда-то в сторону, поверх головы мальчишки, будто видела совсем другой мир. И молчала.

- Эй, – вдруг прищурился Лёшка и спросил с явным подозрением, – ты что, простыла?

Юдина чуть подалась назад, как будто её ударили невидимым предметом.

- В смысле? Голос, что ли, охрип немного?

- Да нет, – ухмыльнулся Лёха и покачал головой. – Просто дым от сигареты после затяжки изо рта у тебя идёт, а из носа – ни единого клубочка. Значит, не тянешь по-настоящему.

Лариса на миг опешила. Глаза её округлились – то ли от удивления, то ли от внезапного ощущения, что этот паренёк её на дух не переносит.

- Ладно, пойду я, – сухо сказала она и поправила сумку на плече. – Когда Косой проснётся, передай, что заходила.

- Конечно, – кивнул он с вежливой, но насмешливой улыбкой. – Передам слово в слово.

Как только скрипнула калитка и шаги Ольги растворились в осенней тишине, сзади раздался голос:

- Не надо больше так пугать сестру Ольгу. У неё и так жизнь нелёгкая.

Лёхя обернулся – Косой, как оказалось, вовсе не спал. Он полулежал, подперев голову рукой и смотрел в потолок.

- Брат, да она ж… ну, не самая честная женщина, – неуверенно сказал Лёха. – Она держится рядом только потому, что знает – ты всегда приносишь добычу. А таких тут ценят.

Эх, балбес он, всё-таки ещё. А то сам не знаю. Зато минет она делает неплохо, а это при такой жизни тоже немало.

- А кто здесь вообще честный? – спокойно отозвался Ярослав. – В этом мире порядочные люди долго не живут. Тут выживает тот, кто подстраивается. Кто делает вид. Кто крадёт, или врёт, или просто молчит. Лариска такая же, как и мы с тобой. Только снаружи мягче.

Он помолчал, потом с лёгким усмешкой добавил:

- И потом… Она ведь ни разу не сказала, что ей нравлюсь. Откуда тебе знать, что ей не просто… нравится, как выгля-

жу?

Лёха едва не поперхнулся:

- Братан, ты не мылся с месяц. Тут все одинаково выглядят – сажа, кровь и пот. Кто тут на кого заглядывается – вообще загадка природы.

- Ха, – усмехнулся Ярослав. – Ладно, ладно. Не злись. Просто мысли у меня такие сегодня странные. Засыпаю и думаю о том… дворце.

Он поднялся и сел, уставившись в пол.

- Он появляется снова и снова. Как будто существует где-то внутри. Круглый зал. Потолки – высокие, как в театре, стены обставлены старинными шкафами. Витрины – но внутри не видно ничего, всё будто скрыто густым чёрным туманом. И в центре… стоит стол. Старый, покосившийся. На нём печатная машинка. Медная. Настоящая – даже клавиши холодные на ощупь. Только вот клавиш там всего двадцать четыре. И на каждой – слово. Не буква, не символ, а целое слово: "честный", "сильный", "добрый", "богатый", "настоящий"…

- Что за странная машинка?

- Странная, – кивнул Ярослав. – Но печатает сама. Ленты не видно, а пергамент будто не кончается. Даже помню, что сегодня она "написала". – Он закрыл глаза, будто вычитывая текст с внутренней поверхности век:

Квест: Подарите кому-то свой улов. Квест завершен.

Награжден Базовым Свитком Дублирования Навыков.

Вы можете использовать его для изучения навыков другого человека.

Лёха недоверчиво фыркнул:

- Это сон. Бред. Ты слишком много времени проводишь в лесу один.

- А может, и не совсем бред, – сказал Ярослав, не открывая глаз. – Может, у кого-то в голове возникает просто память, а у меня – целый… механизм. Как будто что-то или кто-то наблюдает за мной. Учит. Направляет.

Он замолчал, и тишина повисла между ними. Только капли с крыши продолжали лениво падать в грязную жёлобину за окном.

- И самое странное, – добавил Ярослав чуть тише, – она, эта машинка, как будто… хочет, чтобы был хорошим человеком. Но что это вообще значит – быть хорошим, когда каждый тут, в этом городе, выживает как может? Когда даже правда умирает первой?

- Чёрта с два!.. – вырвалось у него сквозь зубы.

Мир вокруг дрогнул, словно от тяжёлого вздоха. В одно мгновение он оказался внутри странного, затянутого тишиной пространства. И не просто где-нибудь, а посреди величественного зала, такого огромного, что его размеры казались невозможными — будто сам воздух здесь подчинялся иным законам.

Высокие, уходящие ввысь колонны, поддерживали сводчатый купол, покрытый паутиной невидимого света, будто

звёзды ночного неба растворились в камне. Вдоль стен, словно стражи древнего знания, стояли гигантские витрины. Тяжёлые, из чернёного дерева с гладким стеклом, но то, что скрывалось внутри, невозможно было разглядеть – всё окутывал плотный, бархатный туман, чернее самой ночи.

Этот мрак шевелился, как живая сущность. Он не просто скрывал – он защищал. Прятал от чужих глаз, как будто сам решал, кто достоин взгляда. Казалось, внутри плавают какие-то предметы – оружие, старинные книги, куклы, обломки чего-то, что когда-то сияло. Всё – в тени, в забытьи.

Ярослав Косой – да, именно так звали его – медленно шагнул вперёд. Треск эхом прошёлся по мозаичному полу. Он остановился перед одной из витрин и протянул руку. Кончиками пальцев коснулся стекла. Оно было не холодным, как ожидалось. Наоборот – тёплым, почти живым. И сразу же – сопротивление. Как если бы его ладонь натолкнулась не на стекло, а на мягкую, но непроницаемую преграду – как в вязком сне, где всё сопротивляется.

Он нажал сильнее. Бесполезно. Чернота дрогнула, будто зарычала беззвучно, и оттолкнула его обратно.

Это была не его сила. Не его время.

Зал дышал в такт с его мыслями. Это не просто место. Это было... что-то большее. Не сон – он слишком ясен. Не реальность – слишком чист. Словно пересечение миров. Или личная тень чего-то, что ещё только предстоит стать правдой.

***

- Может, и у меня есть какие-то… способности, – неожиданно для себя сказал Ярослав.

Он сидел на деревянной ступеньке у порога своей покосившейся хижины. Ночь после дождя казалась особенно тихой. Звезды разлились по небу, будто кто-то рассыпал крошки стекла по бархатной синеве. От мокрой земли всё ещё тянуло свежестью и запахом пепла.

Из-за тонкой занавеси, заменяющей дверь, выглянул худощавый, вихрастый парень, Лёшка. Он откинул тряпку, чтобы выглянуть наружу, и на мгновение замер, уставившись в небо, где звезды сверкали с упрямой чистотой.

- Ты… что имеешь в виду? – с осторожностью спросил он.

- Сам пока не знаю, – Ярослав почесал шею и сел рядом, положив руки на колени. – Но кое-что всё же есть. Нужно проверить. Говорят, один человек как-то вытащил целый поезд прямо из воздуха. Раньше смеялся над этой сказкой. Но после того, как ты начал вытворять свои чудеса, уже ни в чём не уверен.

Лёшка смутился и отвёл взгляд. Он всегда чувствовал себя неуютно, когда речь заходила о его… странности.

Понимаете, его "способность" была поистине загадочной – удача. И не просто везение, как у картёжников или лотерейщиков. Если он искренне желал чего-то, чтобы это случилось с другим человеком – чаще всего с Ярославом – то чудо, в каком-то извращённом смысле, происходило.

Если он хотел, чтобы он вернулся с добычей – зайчишка

сам натыкался на его капкан. Если мечтал, чтобы кто-то не заболел – температура падала сама собой, без лекарств.

Но расплата всегда приходила. Сразу. Иногда – сильная простуда. Иногда – вывихнутая лодыжка, разбитая губа, странная лихорадка или ночной кашель, такой, что казалось, лёгкие выворачиваются наизнанку.

Ей богу, сначала отмахивался. Говорил: "совпадение". Но совпадения происходили с упрямой регулярностью. И в какой-то момент он понял: либо его названный брат – ходячий магнит для абсурдной статистики, либо это нечто иное.

И именно это чувство – смешанное из тревоги, заботы и чего-то родственного – заставляло его быть рядом. С самого начала. Быть щитом, пока Лёшка не сгорит, пытаясь "повезти" кому-то другому.

Небо над головой вдруг озарила белая полоса. Метеор, быстрая вспышка – как нож по чёрному холсту.

- О, падающая звезда! – Лёшка уже сложил ладони, почти машинально. – Сейчас…

- Даже не вздумай, – тихо, но жёстко остановил его, коснувшись плеча.

- Но это всего лишь…, – начал было парень.

- Нет. – Он покачал головой. – Одно твоё желание – и с тебя снова семь шкур слезет. Не стоит оно того, брат.

Они сидели в молчании, слушая, как где-то вдали кричит ночная птица. И капля дождя, не успевшая соскользнуть с крыши, плюхнулась в грязь рядом.

Ярослав прикрыл глаза. Да, он чувствовал что-то. Внутри. Как будто в его сознании, в глубине, открылась дверь. Появилось ощущение… машинки. Механизма, оценивающего поступки. И с этим ощущением пришла тревожная мысль: если он правда способен на что-то, то этим нужно научиться пользоваться. Пока это не решило использовать его самого.

В последнее время Ярослав почти не пользовался удачей Лёшки. Он и сам научился охотиться достаточно хорошо, чтобы прокормить их обоих. Паренёк больше не нуждался в волшебных подачках судьбы, и, как ни странно, братишка не слишком-то возражал – слишком хорошо знал, какую цену платит за каждое своё "чудо".

Худощавый Лёшка задумчиво проводил взглядом хвост угасшей метеоры, прочертившей небо над их головами.

- Почему они так быстро исчезают? – пробормотал он, будто про себя. – Вот так – вспыхнуло и нет. А если человек не успел загадать желание?

Ярослав молчал, потом хмыкнул, почесал подбородок и, прищурившись на небо, ответил:

- Наверное, потому что им плевать на наши желания. Кто сказал, что эти звёзды вообще кого-то слушают?

Лёха обернулся к нему, нахмурился и пристально посмотрел, будто не понял – или не хотел понимать.

***

Лёшка, по сути, был ночным сторожем Ярослава. Хотя формально – просто его младшим братом. Ну, так сказать.

Так было легче его воспринимать рядом с собой. В реальности никаких братьев у меня не было ни здесь ни в прошлой жизни. Да, ночи он отсиживал у окна с кочергой наперевес, но к утру менялись. Реально не хотел, чтобы парень свалился с ног – днём-то тому ещё и школу надо было посещать.

Это была… не жизнь, а какой-то странный баланс между выживанием и ожиданием. Постоянный недосып – их обычный спутник, но другого выбора у них не было. Если не бдеть – потеряешь всё. Или хуже.

На заре Ярослав вывел Лёшку из хижины, навьючив на себя их нехитрые пожитки. Главное – не забыть котел. Старый, закопчённый, побитый жизнью котёл, который, казалось, хранил душу их скромного быта.

Они знали: стоит им оставить хижину без присмотра – тут же прибьётся какой-нибудь двуногий шакал и начнёт рыться в их вещах. Всё, что представляло хоть малейшую ценность, они унесли с собой.

- Говорят, что в самой крепости люди даже двери не запирают. Мол, никто ничего не ворует, – заметил Лёшка, перекидывая через плечо скатанный спальник.

Эх, не знает он жизни, раз так рассуждает. Оно ведь как, джентльмены есть, а мест свободных нет.

Ярослав нес на плече котёл, а в другой руке держал за лапы жирного воробья – словно знамя. Они выглядели, как странствующие торговцы, но это было всё, что у них было.

- Сказки, – фыркнул Ярослав. — Не верю, что бывает ме-

сто, где можно спать спокойно, не опасаясь, что проснёшься голым на пепелище.

А что, и не соврал ни разу. Воруют все и во все времена.

- Ну, знаешь…. Некоторые думают, что даже пердеж у жителей крепости пахнет розами, – усмехнулся и добавил он. – И воздух там сладкий.

- Может оно, и так. Но зато ты не таскаешь котёл с собой повсюду, – заметил Лёшка, мотнув подбородком на тяжелую, болтающуюся ношу.

- Ничего ты не понимаешь, – отрезал Ярослав. – Этот котёл – моё сокровище. Я его с боем добыл. Благодаря ему мы и готовим, и ловим этих чертовых воробьёв. Потеряем – и что тогда? На золе сырого воробья жарить будешь?

Лёшка только хмыкнул, но спорить не стал.

Люди, проходившие мимо, косились на Косого. Верне, не на него самого, а на его трофей – воробья. И в их взглядах читалась зависть. Даже не зависть, а настоящая, плотная жажда мяса.

Ведь теперь человек больше не был вершиной пищевой цепи. Мир изменился.

Говорили, раньше воробьи помещались на ладони. И мог бы поклясться, что так оно и было. Сам видел, но…. Теперь же – эти твари вымахали до размеров курицы бройлера и могли легко заклевать одинокого путника до смерти. Поймать такую птицу – уже подвиг. А дождаться её в пустоши – отдельная наука.

Они вышли к воротам подола – массивным, суровым, словно сошедшим с картин фэнтезийных романов. Высокие, как приговор, стены давили на плечи, заставляя чувствовать себя песчинкой перед громадой мира.

Пейзаж вокруг резко изменился. Дома стали кирпичными, ровными, не развалюхи, а настоящие постройки. Улицы – чище, люди – аккуратнее. Видно было: эти – не из бедных. Возможно, родственники тех, кто живёт внутри самой крепости. Может, умеют поддакивать начальству. Может – просто родились не просто в рубашке, а сразу в телогрейке и бронетрусах.

Но как бы там ни было, для обитателей самой крепости все они были просто заражённые. Беженцы. И путь внутрь им был закрыт.

Ярослав повёл Лёшку к лавке с гордой вывеской: "Продуктовый магазин".

Внутри – пыль, теснота, стойкий запах мыла, дешёвого табака и гнили. На полках – всё подряд: сигареты, коробки со спичками, консервы, верёвки, одежда. Всё – по ценам, будто за каждым предметом стоит вооружённый охранник.

Но старик за прилавком, только увидев Косого, заулыбался так, будто к нему пришёл сам министр снабжения.

- Да это ж настоящий монстр, а не воробей! – с удивлением воскликнул старик за прилавком, когда Ярослав швырнул тушку на стеклянную поверхность.

- Сколько дашь за него? – хмуро спросил он.

- Господи ты боже мой, ну нельзя же так! Это же витрина, а не разделочная доска! – старик скривился, словно по ней прошлись топором. Он осторожно, почти с любовью, переложил воробья на металлические весы, будто оценивал не тушку, а произведение искусства.

- Один и семьдесят четыре… Неплохо, неплохо, Ярослав, – пробормотал он, чуть кивая и уже привычно потянувшись к счётам. Сухие костяшки его пальцев защёлкали костяными бусинами. Звук был почти медитативный – тук-тук, цок-цок. Стеклянные глаза счёт машины не лгали.

- Сегодняшняя ставка – тысяча рублей за каждые полкило, – произнёс он, не отрывая взгляда от расчётов. – Получается… три пятьсот ровно. Вот мой тебе честный расчёт.

Да, местный курс рубля если пересчитать на наши деньги где-то сорок пять рублей за бакс. Ну, это так, сильно теоретически. Так что думайте. Мясо здесь реально дорого стоит. Но и в целом жизнь не дешева.

Ярослав нахмурился и приподнял бровь. Меня тут явно за безграмотного лоха и терпилу держат. Ну, что же, мы тоже на тракторе ездить умеем.

- Девятьсот, – сказал спокойно этому ушлому старому китайцу, но с той особой твёрдостью в голосе, от которой лают собаки и молчат дети. – Зима на носу. Птицы уходят. Так что девятьсот – минимум, за который готов с ним расстаться.

Старик Захар Ван скривился, как будто вместо слов ему предложили съесть соленый корень. Он отодвинул счёты и

развёл руками.

- Понимаешь, Косой, ведь не просто мясником тут работаю. Я посредник. И отправляю это добро за стены – для господ. А у них там – бюрократия. Цены фиксированы. Протоколы, отчёты, печати… Всё как положено. Вольностей не прощают.

Он только успел договорить, как Ярослав, не теряя ни секунды, потянулся за тушкой и, небрежно закинув её обратно на плечо, двинулся к выходу. Стеклянная дверь заскрипела на старой пружине.

- Эй, ты куда собрался-то?! – вскрикнул Захар и поймал его за рукав потёртого бушлата.

- Пойду к старику Лихачёву. У него ценник может быть поуважительнее, – бросил Ярослав через плечо.

Захар усилил хватку, будто боялся, что воробей прямо сейчас вспорхнёт и улетит к конкуренту. На его морщинистом лице появилось что-то среднее между натянутой улыбкой и одышкой.

Он знал, что сегодня в крепость приедут важные люди. Администрация уже передала ему, что будут скупать всё "экзотическое". Информация, понятное дело, не для широкой публики – но ему, как проверенному торговцу, намекнули. И этот жирный воробей, как назло, был как раз тем, чего ждали. Потерять его – значит потерять деньги и доверие.

- Ну-ну… – Захар понизил голос, сменив тон на почти ласковый, – За сколько ты на самом деле хочешь его продать?

Ярослав в ответ только поправил котёл на плече и шагнул за порог.

- Поговорим, когда я выясню, что он на самом деле стоит, – бросил ему, даже не оборачиваясь.

За его спиной послышалось многозначительное ругательство сквозь зубы и глухой стук ладони по прилавку.

Старик Захар Ван натянуто улыбнулся, оглядывая воробья, словно надеясь, что тот вдруг уменьшится в размерах – или исчезнет вовсе.

- Но ведь тогда твой Лёшка в школу опоздает, – произнёс он с наигранным сочувствием. – Ладно уж, девятьсот так девятьсот!

Ярослав остановился, повернув к нему голову.

- Что ты сейчас сказал?

- Я? – Захар заморгал. - Ну… что Лёшка может в школу не успеть.

- Нет. До этого. Что ты сказал до того, как начал болтать про школу?

- Ну… – старик замялся, – Я спросил, за сколько ты хочешь его продать?

- Ты сам сказал. – Ярослав прищурился. – Ты спросил. Вот и получай: пять пятсот.

На лице Вана застыло выражение абсолютного замешательства. Будто пощёчина холодной ладонью с утра пораньше. Он открыл было рот, чтобы что-то сказать, но слова увязли где-то в морщинах. Щёки у него пошли красными пят-

нами, словно душа сама не понимала – то ли стыдно, то ли жалко денег.

Медленно, будто его подгоняли изнутри, Захар принялся считать. Смочил пальцы слюной, пересчитал – потом снова, на всякий случай, глядя на купюры с такой тоской, будто отдавал последние тёплые дни лета.

Итоговая цена составила пять тысяч четыреста девяносто шесть рублей. Ярослав, великодушно (а может, из расчёта), уступил пару монет, но в голосе его не было ни намёка на благодарность.

Этот воробей не стоил столько из-за веса или даже редкости. Главным был не размер – а сам факт: в Крепости 334 птицу такого рода даже не все видели, не то что ели. Экзотика. А как известно, редкость – всегда товар. А вкусная редкость – товар двойной. Дичь!

Старик Ван не был дураком. Он никогда бы не пошёл на убыточную сделку. Когда он продаст эту тушку кому-нибудь из господ за стеной, выручит своё с лихвой – и, может быть, ещё получит приглашение на приём или, чего доброго, доступ к пайковому распределению.

Он с явным сожалением передал пухлую пачку Косому. Деньги в его руках дрожали, как последний осенний листок на ветру.

Ярослав аккуратно убрал купюры в потайной карман и уже собирался уходить, как вдруг Захар, понизив голос до шёпота, будто говорил государственную тайну, наклонился

к нему:

- Косой, слушай… В следующий раз, если поймаешь – не убивай. Живого принеси. Господа стали интересоваться живыми экземплярами… За них можно выручить куда больше.

Сергей нахмурился.

- Живого? Чтобы самим зарезать? Развлекаются, что ли?

- Нет-нет, – покачал головой Захар, переглянувшись с улицей, как будто боялся подслушивания. – Они… держат их как домашних животных. Понимаешь? Питомцы, экзотика! Летает, щебечет – прям как раньше у царей павлины в саду.

Я молча уставился на старика, будто тот предложил мне усыновить крокодила. Это же какую клетку надо для воробья. С прутками в палец? Ну его к лешему, таких питомцев! Прямо как у нас некоторые, с жиру бесятся.

Глава 3

- Как домашних животных?! – Ярослав даже приоткрыл рот от удивления. – Они их, что, едят что ли? А, нет, не едят… Тьфу, свихнёшься тут с этими извращенцами. Так на кой чёрт им тогда воробьи? Это же просто пустая трата хорошего мяса! Ты бы знал, какое у него сочное мясо, особенно если его правильно довести – язык проглотишь!

Да, станешь тут специалистом по приготовлению дичи, когда больше никакого мяса нет.

- Ты, парень, не поймёшь того мира, в котором копошатся богатеи, – усмехнулся старик Захар Ван, покачивая головой, будто вспоминая старую шутку. – Вот говорят, лет двести назад у господ мода пошла держать орлов в домах. Орлов, ты понимаешь?! А теперь орлы – что? Здоровенные твари, глаза выцарапают, руку по локоть сожрут, если не всего тебя сразу. Так вот, воробей теперь – замена. Маленький, но взгляд у него… ух! Грозный! А господа это уважают. Чтобы сидело у них в клетке, дёргалось и выглядело опасно.

Эх Ван, Ван, сам ты не понимаешь, сколько понимаю я. Сам же жил в таком мире, а сейчас да, ну, реально трудно мне проникнуться такими извращениями. Ведь на такого питомца ещё и еду изводить. Да, стал уже аборигеном до мозга костей….

Потом почесал щеку, задумался.

Странный этот мир. Пока половина народа за стенами крепости грызёт кору, потому что нечего жрать, – у зажравшихся, понимаешь ли, воробьи на цепи вместо собак. Да что тут про это говорить, соседствуют роботы и самое натуральное средневековье в виде подола.

- Ну, если уж им нужен живой, – протянул немного подумав, – то ценник другой будет. Когда эта птичка жива, с ней и сам чёрт за руку здороваться не захочет! Порвать может, глаз выдрать. Так что это уже не птичка, а потенциальное орудие убийства!

Тут меня будто озарило. На минуту задумался.

Если за стенами полно заражённых… значит ли это, что и воробьи – тоже? Есть ли прямой смысл под термином "заражённый". Ведь если разобраться, то больным себя ну никак не считал. Да и окружающие…. Или всё это придумано, чтобы делить людей, как скот, по стойлам? Те – внутри. Эти – снаружи. Эти работают. Те – командуют. И всё "по правилам".

- Богатство приходит к тем, кто умеет рисковать, – снова усмехнулся Захар. – Слушай, раз уж ты можешь в холодную ночь выследить вот такого воробья, ты явно не простой парень. Пару раз принесёшь их живыми – и можешь полгода валяться пузом кверху. А может, на эти деньги и невесту найдёшь себе, а?

Тоже мне, мотиватор нашёлся.

- Жену? Ага, щас! – фыркнул Ярослав и махнул рукой. –

Что дальше, домик с заборчиком и розами?

Сказал же. Вот на-фига мне такое счастье, если и сейчас женскими ласками не обделён, а там к ним ругань и скандалы прилагаются.

Старик Ван резко понизил голос и заговорил с таинственным видом, как будто собирался поведать заговор:

- Слыхал я, у старика Ли, что рядом лавочку держит, дочка есть. Учится там же, где и твой братец Лёшка. Девка не промах, порядочная…

То, что не промах и очень даже зачётная, сам в курсе. Огонь, сказал бы девка.

- А может, мне стоит тогда прямо к старику Ли и с воробьём этим пойти? – прищурился Ярослав. – Или вы хотите выступить в роли свахи, Захар Егорыч?

Ли, кстати, несмотря на китайскую фамилию на самом деле узбек. Так что понимаете, что у него за дочка от брака с русской вышла. Эх, кровь с молом….

Обернулся к Лёхе и уточнил:

- Это точно она? Твоя одноклассница?

- Ага, – кивнул Лёшка. – Высокая такая. Почти с меня ростом. Только в юбке.

- Пшел вон, малолетка! – вспыхнул старик, хлопнув ладонью по прилавку. – Убирайтесь отсюда со своими шуточками! Добро принимаешь за подначку, а я тут, понимаешь, по-человечески! Ишь ты…

Он на мгновение выдохнул, а потом быстро вернул себе

деловой тон.

- В общем, если поймаешь живого – неси ко мне. Цена будет честной. А то ещё уйдёт кому попало, не дай бог – в руки мяснику.

- Договорились, – кивнул Ярослав, слегка улыбаясь. Поймать такую тварь живьём было делом не из простых, но возможных. Особенно если знать, где она летает, и терпеливо ждать. Он оглянулся по сторонам, присматриваясь к полкам в лавке.

- Почём ватник? – деловито поинтересовался Ярослав, устало потирая плечо, на котором еще хранился отпечаток от рюкзака.

- Куртки только вчера привезли, свежий товар! – отозвался старик Ван, прищурившись сквозь толстые очки. – Две пятьсот за штуку. Чтобы ты понимал, сам закупал их по две четыреста! Наценка – кот наплакал, считай, работаю себе в убыток. Не торговля, а благотворительность. Но одна проданная куртка – одна спасённая жизнь.

Ага, так ему и поверил….

- Какой же вы добрый человек, – небрежно протянул Ярослав, ирония в голосе не ускользнула от Вана. – Ладно, беру одну. Гляньте, какой размер подойдёт Лёшке.

- Брат, а купи и себе! – влез Алексей Проныра, заглядывая через прилавок с надеждой.

- Не встревай, когда взрослые говорят, – буркнул Ярослав и насупился. – Мне пока не холодно.

Он был не из тех, кто сорит деньгами. Бумажки эти, конечно, удобно таскать, но без них ты тут как без рук – ни лекарства не купишь, ни еду, ни, упаси бог, место в школе. Суровая зима уже маячила на горизонте, но Косой решил повременить с покупкой второго ватника. Если повезёт с охотой – возьмёт позже. Сейчас были дела поважнее.

Например, надо было внести плату за Лёшкино обучение. Образование – штука дорогая, особенно если учишься в подоле, а не бегаешь по улицам дикарём.

Он окинул взглядом лавку, и взгляд остановился на стойке с лекарствами. Повязка на его левой руке давно промокла от крови и выглядела, мягко говоря, зловеще. Да, рана пока и не думала нормально заживать. Толи грязь таки занёс в неё, толи вообще какую заразу.

- Почём антибиотики и противовоспалительные? – спросил он.

Да, всё это здесь есть, из крепости. Не из нашей, понятное дело. Но какая-то из них производит лекарства, а может и не одна. И везут их сюда издалека и не морскими контейнерами. Да и вообще, по слухам, наша, так, мелочь, а есть крепости поистине огромные. Но на заборе тоже много чего пишут.

- Что, купить надумал? – удивлённо вскинул брови Ван и только теперь заметил грязную тряпку на руке Ярослава. – Да ты же ранен! Не пролечишь – загноится, и привет семье, как говорится!

- Я спросил цену, а не прогноз, – процедил Косой сквозь зубы.

Даже здесь пытается улучшить свою переговорную позицию.

- По тысяче пятьдесят рублей за таблетку, – ответил торговец. Понадобится как минимум три штуки – курс лечения. За три тысячи сто рублей дам тебе всё и в придачу флакон йода, хоть сам за него и платил. У меня их всего десять осталось, так что думай быстрее.

Ярослав задумался, прикинул всё в уме и прищурился:

- А если округлим?

- Если под округлением ты понимаешь "умножим на ноль", то иди-ка ты лесом, - рявкнул Ван, раздражённо хлопнув ладонью по прилавку.

Косой чмокнул губами, перевёл взгляд на повязку, потом снова на аптечку. Неохотно вздохнул:

- Ладно, беру. Зимой инфекции редкость, но лишнего риска мне не надо.

Он заплатил и повёл Лёшку в сторону школы. По пути заглянули в хлебный – Ярослав купил буханку чёрного хлеба. Хлеб был плотный, тяжёлый, словно кирпич, и при глотании саднило горло, будто в тесто подмешали песок.

Пока они шли, Лёшка жевал свою пайку хлеба и, не глядя, сказал:

- Брат, а может, и ты начнёшь учиться? Ну, оплатим тебе учёбу, будешь ходить со мной. Я знаю, ты хочешь.

Ага, прямо разбежался. С одной стороны, надо всем показывать, что очень хочешь в школу, с другой не спалиться, что уже её окончил, да не такую. И ещё и братуха всё время тебя сдать хочет. Ну, давайте будем реалистами, что в здешней школе забыл-то?

- Да уж, очень мне школа нужна, – буркнул Ярослав. – Мне ещё охотиться надо. А ты, Лёха, послушай-ка. Слышал, что старик Ван говорил про дочку соседа? У тебя же в школе полно девчонок из богатых семей. Не вздумай влюбиться – рано тебе ещё.

- Ну, раньше же, говорят, женились в тринадцать-четырнадцать лет! – тут же парировал Проныра. Глаза у него заблестели, и видно было – ему весело задираться. Шутки – это тоже оружие в мире, где выживание не гарантировано даже на день.

Ярослав фыркнул и шутливо хлопнул его по затылку:

- Люди раньше ещё и в бане с медведем сидели, думаешь, нам с тобой стоит повторять?

Он усмехнулся, но тут же хмуро пробормотал:

- Да и вообще… Задумался вот. Все эти девчонки, с которыми ты сейчас болтаешь… Кто-то из них станет чужой женой. А знаешь… С чужой женой – это звучит даже... пикантно.

- Брат, ты чего несёшь? Я ничего не понял, – удивлённо моргнул Лёшка.

- Иди уже, маленький кобель, – махнул рукой Ярослав.

– Хватит изображать невинного ягнёнка. Я-то знаю, что в твоей голове.

***

Школа была едва ли не единственным местом во всей округе, где ещё оставалась какая-то чистота, порядок и даже... уют. Высокая кирпичная ограда, побелённые стены, ровные стёкла в окнах – почти не роскошь, а знак чего-то уцелевшего. А ещё — свой двор. Не абы какой, а настоящий, с грядками, где всё было высажено в аккуратных рядах: тут тебе и лук-шалот с его тонкими перьями, и бодрые ростки чеснока, и пухлая капуста, и выносливая картошка, способная выжить даже в глине.

Ярослав Косой, стоя поодаль, сощурился на этот живописный уголок цивилизации и подумал: "Хм, в таком-то месте должны расти бамбуковые рощи или хотя бы сирень…. А не капуста с чесноком". Но, поразмыслив, сам себе и возразил: "Хотя, в такое время и овощи – просто золото". А то прямо как крепостные уже начал думать себе живого воробья завести. И всё же где-то в глубине души ему хотелось, чтобы Алексей Проныра – тот самый Лёха, ему почти родной брат, а ближе его тут у меня никого – вырос не просто грамотным, а учителем. Не потому, что учителей он как-то особенно уважал. А просто потому, что профессия эта была, по местным меркам, почти райской: стабильная, безопасная, с крышей над головой и собственным огородом, на который ни у кого не поднимется рука.

Косой всегда хотел простого: чтобы никто не бил, не гнал, и чтобы было что поесть. Да, вот такие у меня тут стали представления о прекрасном.

Лёха тем временем крепко сжал в руке скомканную банкноту и уверенным шагом направился в класс. Ярослав же привычно залез на кирпичную стену школы, устроился на корточках, как воробей на ветке, и принялся подслушивать. Ну а что ещё делать. Не всё время же охотиться. Надо и отдыхать. А почему бы в такие моменты над имиджем, страждущего до учёбы, но все деньги спускающего на таковую для брата, не поработать.

Платить за обучение он не мог. В реальности просто не хотел. Блогеры в родном мире хорошо показали, как казаться, а не быть. Так зачем жилы рвать, если в реальности в эту школу и не собираешься. Так что делаем вид учиться открыто – дело для меня недоступное. Так что прикидываемся, что греем уши, а память – хваткая, оттуда и все знания. Отмазки тоже надо нарабатывать. Так он как бы и получал свои знания: тайком, с другой стороны окна, впитывая каждое слово учителя, как сухая губка впитывает капли дождя. Ну, а чего, канает и дальше канать в общении со всеми будет.

Учитель рассказывал про старый мир. Про то, каким когда-то был человек. Как строили высотки, летали по небу в железных птицах, лечили болезни светом и звуком. Говорил, правда, осторожно – ведь сам-то тех времён не видел. Да, тут главное не рассмеяться. В общем, учитель гнал пургу, про

то, что знал – из рассказов, передаваемых из поколения в поколение, где истина давно переплелась с вымыслом. Но всё равно, Косой слушал, затаив дыхание, словно каждое слово было живым. Театра и кино нет, так хоть уроки послушать.

Иногда он, не сдержавшись, закидывал Лёхе вопросы – о чём учитель говорил, что означало то или иное слово. Ну, а чего вы хотите. Насколько бы похожими миры не были, но и кардинальных различий хватало в терминологии. А Проныре от этого и радость, и тревога. Радость – что брат интересуется. Тревога – что вдруг сам чего не понял и не сможет ответить. Поэтому в такие дни он сидел на уроках с максимально распахнутыми глазами, стараясь не упустить ни слова, ни полувздоха.

Иногда он смотрел на Косого – тот сидел, нахохлившись, у стены, с серьёзным, даже немного грозным лицом. И всё равно Лёха невольно думал: "Чёрт побери, а ведь когда он так внимательно слушает, он даже... красивый". Возможно, именно поэтому Марина, соседская девчонка, так и норовила кинуться Ярославу на шею при каждом удобном случае. Да вообще на него девки и женщины липли как мухи на… мёд. Ну ещё бы, взрослый парень, всегда мясо есть, да и деньги водятся, если требуется.

В этот раз учитель как будто всё это подметил. Он положил книгу на стол, медленно оглядел класс, остановил взгляд на открытом окне – а там, как обычно, торчал Косой.

- Скажи своему брату, – проговорил он в сторону Лёхи, –

что он больше не обязан шпионить из-за стены. Пусть заходит во двор. Пусть слушает, если хочет. Здесь ему рады.

Вот блин обрадовал так обрадовал… с другой стороны, может там место поудобнее дремать найдётся.

Лёха расплылся в улыбке, словно услышал, что завтра каникулы, и радостно кивнул:

- Обязательно передам!

***

В местной школе был всего один-единственный учитель – некто по фамилии Сергеев, Иван Матвеевич. Собственно, потому и не рвался особо сюда. Последний человек, который знал всё, сдох в Древней Греции. Потом количество знаний возросло многократно. В общем, учитель, человек, о котором в подоле говорили с уважением, а порой даже с оттенком благоговейного страха. Считалось, что он знает буквально всё: и о былых временах, и о геометрии, и о проросших бобах, и о политике. Но вы понимаете, что это не так. Ну и Косой не дурнее вас. Да и в принципе всегда смотрел на мир с подозрением. Да и пожил в мире, где всё это было. Так что точно знал, люди ведь обычно в чём-то одном хороши, а в остальном – как получится. Так откуда бы у Ивана Матвеевича всё это знание? С учебников, естественно. А без них….

Косой отличался от своих сверстников – он был из тех, кто задаёт вопросы. Учитывая в каком он мире жил до этого, не удивительно. Он не глотал информацию, а пережёвывал, как мясо на сухаре. Особенно новую. Мир-то ведь другой, да

и всё здесь иное. Со временем он услышал на одном из уроков, что его манера мышления называется "диалектической логикой". О как. Не вляпался бы сюда и не узнал. Да и слово длинное, и звучит красиво. Да и важно, к тому же. В общем, появился повод втыкать термин и к месту и нет.

А вот Лёшка Проныра – его брат – иногда просто не понимал, зачем тот спорит с учителем, а потом снова и снова приходит слушать уроки. Ведь если не согласен – не слушай. Но Косой был устроен иначе. Он не соглашался – потому что точно знал. А слушал – потому что ценил разум и возможность поспать в безопасности. Тут ведь целая толпа охранников, штаны протирает.

В тот день, сразу после дневных уроков, Косой вдруг заявил:

- Лёха, надо это дело отметить.

- Какое ещё дело?

- Учитель пустил меня во двор. Я теперь официально могу слушать уроки, а не висеть за окном, как летучая мышь.

Раньше он сидел на самой верхушке кирпичной стены — там, где ветер пронизывает до костей, а пыль садится на ресницы. До класса было далеко, звук доносился смутно. Часто Иван Матвеевич вообще держал окна на замке: мало ли, с улицы что влетит – лай, топот, крик – и всё, внимание детей к чёрту. Но с какого-то момента, поняв, что Косой постоянно подслушивает снаружи, он стал оставлять одно окно приоткрытым. Молча, без лишних слов. А теперь и вовсе пред-

ложил зайти во двор.

Это был жест. Доверие. Уважение. И Косой это понимал.

Мир вокруг был неспокойным, вывернутым наизнанку. В этом хаосе школа для многих была не местом знаний, а своего рода ярмаркой невест и женихов. Родители гнали детей за парты не ради учёбы, а, чтобы потом легче пристроить в семью. Особенно девочек. Умение читать и складывать трёхзначные числа многими считалось почти чудом – сродни волшебству.

Кому, скажите, нужна культура, когда на ужин нечего положить в миску?

И всё же – школу посещали. И дети из бедных семей, и из тех, что получше обустроены. Где бы ни жили люди, сравнения всегда будут: у кого куртка поновее, у кого в ранце хлеб не серый, а белый. И даже тут, в оторванной от мира подола, кастовость никуда не делась.

А потом произошло вот что. Лёшка увидел, как брат зашёл в лавку старика Вана – того самого, что торговал сухарями, кислой репой и иногда редкими сигаретами.

- Одну, с фильтром, – спокойно сказал Косой.

А что, презент должен быть не просто дорогим, а с наворотами. А гаджетов здесь нет. Мясо учитель себе и сам мог купить. Короче, всё самое вредное и бесполезное, самое дорогое.

- У меня хорошие, – важно кивнул старик. – Без всякой дряни. Чистый табак, как в старину.

Одна такая сигарета стоила сто рублей. Не копейки. Блин, на что бы полезное, но тут дело принципа.

Проныра вытаращил глаза:

- Брат, ты чё, сдурел? Зачем тебе сигарета?

- Учитель пустил меня во двор. Понимаешь? – Косой улыбнулся уголком рта. – А я не привык брать что-то просто так. Он любит курить. Вот я и решил отблагодарить по-человечески.

Да тут все любят, если средства позволяют или работаешь на шахте. Роскошь. Это типа местного Айфона.

Всегда был таким. Относишься к мне по-доброму – отвечаю тем же. Без лишней суеты.

После уроков, когда все расселись по лавочкам во дворе, разложили еду, кто-то достал засохший пирожок, кто-то капусту, Ярослав и Лёха подошли к Ивану Матвеевичу. Тот как раз доедал жареную капусту с кусочком моркови.

- Это вам, – сказал Косой, протягивая сигарету. И широко, как умел, ухмыльнулся.

Он не отверг её. Но мягко, почти по-отечески, дал понять Лёшке: держись на расстоянии.

- Нечего тебе тут дышать этой дрянью, – пробурчал Иван Матвеевич, поднеся сигарету к губам. – У тебя, парень, организм ещё молодой, растущий. Ему не табачный дым, а свежий воздух нужен.

Да, многие знания утрачены, вов всяком случае среди жителей подола, но это сохранилось. Так что Ярослав кивнул с

благодарностью. Это тоже важно.

- Спасибо, что разрешили быть во дворе. Мне правда это важно. И за уроки – тоже спасибо, Иван Матвеевич.

Ну, а что, ничто не ценится так дорог и не стоит так дёшево, как вежливость.

- Фух…, – учитель глубоко затянулся, прикрыв глаза с почти блаженным видом. Спичка, которой он прикурил сигарету, судя по виду, была из того самого коробка, что он обычно держал у плиты – с потемневшей от времени головкой.

- Сейчас мало таких учеников, которым хоть что-то интересно, – сказал он, выдыхая дым, – Хочешь – слушай. Можешь стоять у двери, но в сам класс не входи. Уж таков порядок.

Ну, с дуба пока не падал, так что так в наглую спать на виду у людей….

- Да это же отлично, – сделал вид, что обрадовался. – Учитель, а можно вопрос?

В общем, развлекаться решил по полной.

- Говори, – кивнул учитель, потирая щеку. Видимо, табак немного разморил его – голос стал мягче обычного.

- Вы ведь как-то говорили, что до Катаклизма у человечества было полно всяких технологий… Так почему, если мы не вымерли, они не вернулись? – спросил Косой.

Посмотрим, как учитель выкрутится. Он внимательно посмотрел на него из-под очков.

- После Катаклизма было не до науки. Люди дрейфовали в

хаосе, как бревна после наводнения. Всем нужно было просто выжить – не до знаний тогда. Учиться некому было, да и некогда.

- Но ведь информация должна была где-то остаться? – не унимался Ярослав. – Разве, изучив её, мы не могли бы быстро вернуть прежний уровень цивилизации?

- Могли бы... если бы эта информация сохранилась. Но она терялась – понемногу, из поколения в поколение. И если бы не крепости, мы бы вообще всё утратили, – вздохнул учитель. – Вот скажи: если я дам тебе инструкцию, как собрать самолёт – ты справишься?

- Нет, конечно. Я ж не инженер. Придётся всё с нуля. Даже если инструкция есть – надо вникнуть, разобрать каждую деталь….

- Вот именно, – кивнул учитель. – Все начинают с нуля. Инструкции – это хорошо, но без фундамента не построишь дом. Да и не все старые знания нужны. Что толку от самолетов, когда небом правят такие птицы….

Он посмотрел на сигарету. Половина уже сгорела. Пальцы пожелтели от табака. Он колебался – докурить сейчас или приберечь? В нём боролись сдержанность и привычка. Потушить перед учениками – вроде как терять лицо. А с другой стороны – тратить такую роскошь за один раз… это ж не самокрутка какая.

А Косой всё не унимался.

- Но почему же никто не смог за столько лет снова встать

на путь знаний?

- Кто пытался – умирали. От голода, холода, зверья…, – устало сказал учитель. – Знания не выживают в одиночку. Их надо лелеять, защищать, передавать. А тогда людям было не до того.

- Так неужели всё это – действительно потеряно? – прошептал Ярослав. – Всё, что человечество создало?

На этот раз взгляд учителя стал твёрдым. Он посмотрел на мальчишку, будто оценивая, стоит ли говорить правду.

- Нет. Знания не исчезли. Они просто теперь… в руках немногих. И передаются только избранным.

- Довольно, – внезапно отрезал он, поднявшись с лавки. – Не копай глубже, Ярослав. Не стоит. Пора на урок.

Косой коротко кивнул, но всё же не сдержался – задал ещё один, последний вопрос:

- Учитель…. А когда построили крепостные стены? И зачем?

Учитель задержался на миг, задумчиво уставившись в пыльный угол двора.

- После Катаклизма мир сошёл с ума. Звери рвали людей на куски. Были и нашествия насекомых, настоящие чёрные тучи, жрущие всё живое. Люди строили стены, чтобы спрятаться, выжить, отгородиться.

- Но ведь звери, хоть и мутировали, – заметил Ярослав, – они же не нападают без причины. Воробьи по-прежнему едят зёрна, обезьяны – орехи, ягоды... Неужели они пытались

съесть людей?

Учитель усмехнулся – горько, почти по-доброму.

- Люди строили стены не только от зверей, Ярослав. Порой опасность – это не то, что рычит в кустах, а то, что стоит рядом с тобой и улыбается...

В Кольце, как называли это странное, почти стерильное пространство внутри Крепости 334, жизнь текла по своим, закостенелым правилам. Здесь, на фоне ржавых стен, покрытых десятилетиями пыли и копоти, большинство особенно опасных тварей давно изгнали или попросту сдерживали за пределами высоких, бетонных заграждений.

Там, где начиналась настоящая пустошь.

Но чем дальше вглубь страны, тем страшнее становилось. Говорили, что в Крепости 178 – легендарной, окружённой лесами и топями, кишащими чудовищами — каждый год десятки, если не сотни жизней гасли в попытках отбить у зверья хотя бы пару километров земли. Это был край, где страх был вечным соседом.

А Крепость 334? Её называли внутренней территорией. Здесь было спокойнее, тише. Опасность будто бы осталась за границей. Но, как знал Ярослав Косой – парень с головой, не обременённой иллюзиями, – даже в таком месте хищники водились. Только теперь – не волки и не медведи, а люди.

Он помнил ту стаю волков, что напала на них у восточных развалин. Серые тени, быстрые, как тень заката. Они были опасны, да. Но их можно было победить.

Так почему тогда вокруг таких мест, как Крепость 334, всё ещё стояли эти гигантские стены, словно отгораживающие не только от зверей, но и от самой мысли о свободе?

- Потому что пока снаружи есть угроза, – раздался позади голос, мягкий, с характерным прокуренным хрипом. – Беженцы будут зависимы от крепости. А это – бесплатная рабочая сила.

Ярослав обернулся. Перед ним стоял всё тот же учитель, человек с повадками философа и глазами прожжённого жизнью наставника. Он улыбался, почти по-доброму, но во взгляде было что-то хищное, настороженное.

- Думаешь, руководители этих мест не могут справиться с теми волками? – продолжал он, – Да у них оружия – горы. Взрывчатки, патронов, пороха... Запасов хватит на полвойны. Но зачем им уничтожать то, что удерживает людей в страхе?

Ярослав нахмурился. Это было… ново. И понятно. Он привык думать, что опасность - это враг. А тут ему открывали глаза на нечто большее. И говорили, что это инструмент. М-да, всё, как и везде и во все времена.

- Если стену сломать, – продолжал учитель, – то исчезнет и власть. Ты сам подумай: кто будет работать за миску супа, если поймёт, что может уйти и построить свою жизнь без господина над собой?

Он вдруг резко оборвал речь и направился вглубь помещения, переодеваться.

Ярослав, немного подумав, громко окликнул:

- А зачем вы меняете одежду? Ваша-то чистая, как новая.

Старик задержался в дверях. Подтянул ворот рубахи, поправил пиджак.

- Пропиталась дымом, – сказал он. – Ученики могут почувствовать. А мне не нужно, чтобы их внимание сбивалось. Им и так тяжело.

Лёшка Проныра, что до этого времени молча сидел в углу, скрестив ноги и сосредоточенно разглядывая воробья, чучело, естественно, поднял голову. Он всегда с уважением относился к учителю. Но в этот момент Ярослава охватило неожиданное чувство.

Он тихо пробормотал, почти про себя, но достаточно громко:

- Значит, мне можно нюхать твой дым, да? Не заметил, чтобы ты просил меня отойти…

Ерофей, не оборачиваясь, махнул рукой:

- Потеряйся.

И вдруг — словно удар молнии – в голове Ярослава раздался холодный, звенящий голос.

Никаких эмоций. Только приказ:

Квест: жажда знаний никогда не навредит. Вы должны учить других людей всему, чему научились.

Он замер.

Сначала даже не понял, что это значит. Учить? Его? Он, конечно, не был полным дураком. Умел многое: ловить зве-

ря, ставить капканы, варить топлёный жир, читать по губам, говорить с полуслова. Но учить? Это же не к нему…. Или ко мне?

Он посмотрел на Лёшку, который снова склонился над воробьём.

"Может, начать с малого?" – мелькнуло у него в голове. А что, если...

***

Во второй половине дня, после уроков, когда жара слегка спадает, а солнце клонится к закату, ученики, как всегда, начали потихоньку расслабляться, скидывать напряжение, накопившееся за день. Кто-то грыз карандаш, кто-то зевал украдкой, а кто-то уже мысленно перебирал, чего бы поесть дома, если повезёт.

И тут, будто из ниоткуда, в дверном проёме появился Ярослав Косой – долговязый, чуть неуклюжий парень лет семнадцати, уже с мужицкими плечами, но ещё с подростковой неуверенностью в глазах. Он сильно выделялся на фоне ребят – по возрасту, по походке, по тому, как молча стоял в дверях, будто не знал, зайти или нет.

Ученики оживились, зашушукались, начали оборачиваться. Некоторые откровенно уставились, кому-то стало смешно – ну, представьте, в ваш класс вдруг заходит взрослый парень, как будто заблудился.

Стук. Ещё стук. Учитель, терпеливо, но настойчиво постучал костяшками пальцев по деревянной доске – старой,

поцарапанной временем, с блеклым меловым следом. Он всегда был спокоен, но, когда класс гудел, словно улей, и не слушал, его хмурый взгляд мог остудить любого.

Когда тишина всё же воцарилась, он заговорил:

- С сегодняшнего дня во второй половине дня у нас будет курс по выживанию.

Ребята зашевелились. Это был не обычный урок, не заучивание формул и не чтение книг о давно умерших философах. Это было что-то живое, настоящее, с примесью приключения. В век, когда мир за стенами крепости был полон чудовищ, развалин и диких зверей, уроки выживания были самыми захватывающими из всех.

- Современная школа, – продолжил учитель, – должна не только учить вас читать и писать, но и жить. В буквальном смысле.

Он на миг замолчал. Казалось, что хотел что-то добавить, но передумал. Правду сказать, он и сам не был мастером выживания. Человек из подола, выросший среди стен и людей. Всё, что он мог – это читать старые методички и пересказывать их с умным видом. Это его всегда раздражало.

Он обвёл класс взглядом. Потом медленно сказал:

- Не думайте, что опасность – это то, что где-то далеко. Сейчас вас оберегают родители, стены, охрана. Но наступит момент, когда вы останетесь наедине с миром. И тогда всё, что вы знаете, станет вашим щитом.

Он повернулся к доске, на которой мелом была написана

тема:

"Если встретил волков в дикой местности: инструкция по выживанию".

Класс вдруг притих. Все знали: это будет интересно.

Тут взгляд учителя остановился на Ярославе, который всё ещё стоял в дверях.

- А ну-ка, ты там, – сказал он с усмешкой. – Поделись-ка с классом, что бы ты сделал, если бы столкнулся со стаей волков в дикой глуши?

Ярослав почесал затылок, будто бы выжидая. Помолчал. Затем заговорил негромко, но чётко:

- Ну… сперва я бы поискал склон, заросший травой или кустарником. Это идеальное место… чтобы лечь и умереть.

В классе воцарилось молчание. Кто-то тихо хихикнул, кто-то не сразу понял.

- Самое подходящее место… для хорошего индивидуально кладбища, – добавил он и чуть усмехнулся краем губ.

Учитель ошеломлённо посмотрел на него. То ли от неожиданности, то ли от черного юмора ответа, то ли потому, что понял – парень не шутит. Он знал, о чём говорит.

Глава 4

Учитель даже слегка приоткрыл рот, будто забыл, как дышать. Слова Ярослава прозвучали не просто, как ответ на вопрос – это был приговор. Холодный, выверенный и, судя по интонации, не раз проверенный жизнью.

Но за внешним спокойствием Ярослава бурлила тревожная мысль. Он чувствовал, что где-то допустил ошибку. Ведь он вроде бы выполнил всё, как нужно: передал знания, как просил тот загадочный голос из Дворца в своей голове. Так почему же квест не завершился? Неужели дело в том, что он передал? Неужели где-то косякнул?! Может, этого оказалось недостаточно? Или не тем ученикам?

Он нахмурился и, не дожидаясь, пока его снова спросят, сказал вслух:

- Учитель…, – голос его был сухим, серьёзным, как у солдата, докладывающего командиру. – Возможно, вы не представляете себе, насколько большие волки водятся в дикой местности. Горожане, выросшие за толстыми стенами, ни разу не видели их своими глазами. А мне приходилось. Поверьте, даже один-единственный волк – это уже смерть на лапах. А уж стая…, – он замолчал на секунду, вспоминая. – Стая – это уже не охота. Это суд. И приговор всегда один. Поэтому и выбрал склон, траву, тишину…. Потому что другого выхода там просто нет.

Он не выкрикнул это. Не драматизировал. Он просто констатировал факт, и от этого мороз пробежал по коже у половины класса.

По-хорошему, учитель должен был поставить его на место – ну как же, чужой парень, без диплома, без формы, без статуса, смеет поучать целый класс и ставить под сомнение всю структуру преподавания. Однако он задумался. И правильно. Надолго. Взгляд его был устремлён куда-то мимо доски, сквозь окно, в летнее небо, словно он вдруг увидел там что-то, что заставило его переосмыслить многое.

Наконец он тихо сказал:

- Можешь приходить. Садись на уроки. И… готовься. С завтрашнего дня ты тоже будешь вести занятия по выживанию.

Нет, ну я так не играю. Мне это нигде не упёрлось. Придётся что-то придумывать.

Класс же ахнул. Кто-то обернулся на Ярослава, кто-то на учителя – реакция была бурной, но никто не стал спорить. Потому что в словах парня не было фальши. А это дети чувствуют безошибочно.

Так, впервые в истории школы за пределами Крепости 334, появился внештатный преподаватель. Не академик. Не человек с дипломом и списком публикаций. А человек, который вернулся оттуда, откуда другие не возвращались.

Элемент везения скажете вы. Может быть….

Правда, Ярослав так и не стал рассказывать, как именно

ему удалось выжить в схватке с одиноким волком. Или с целой стаей. Он не искал славы. Он не хвастался. Всё, что он говорил, было по делу.

И тут в глубине его сознания раздался знакомый голос, гулкий, будто со стен того самого каменного Дворца:

Квест выполнен.

Получена награда: +1.0 к силе.

Это как это. Это сколько это? Судя по всему, не так и много, но чувствуется. Ярослав не изменился внешне, но внутри будто что-то щёлкнуло. Рука стала чуть крепче сжимать ремешок от сумки, мышцы чуть туже налились под кожей, а взгляд – ещё твёрже. Он чувствовал, как сила наполняет его. Не физическая даже – уверенность. Та, что приходит лишь после битвы, которую ты выиграл. Нет, а что, жизнь то налаживается. Физуха она всегда пригодится. Беда не в этом, а в том, что её поддерживать надо….

***

К вечеру Ярослав так и не смог найти ни одной подходящей ситуации, чтобы применить тот самый загадочный свиток навыков, который всё ещё хранился у него. Свиток лежал, будто затаившийся зверёк, и ждал своего часа. А час всё не наступал.

Он пришёл в школу не ради галочки, и уж точно не потому, что за это платили. Он действительно хотел учиться, впитывать знания, расширять горизонты – но сегодня, слушая учителя, всё яснее осознавал: старые книги, старые тео-

рии и даже рассказы об опасностях были лишь отголосками мира, который уже давно умер. Нет, понятное дело догадывался об этом, поскольку видел старый мир у себя, но надежда умирает последней, как говорится. Здесь, в окрестностях крепости, выживали не по учебнику, а по наитию, по зову инстинкта. В этой новой реальности Ярославу нужны были не абстракции, а настоящие навыки, кровь, пот, опыт. Вот прямо чтобы ух. В школе такого не найти. Короче, спать здесь и спать.

Потом поймал себя на мысли: если не получится использовать свиток – значит, всё это, весь этот "Дворец в голове", квесты, система, очки силы – может быть просто игрой воображения. Галлюцинацией на фоне стресса? Последней надеждой для потерявшегося в мире подростка? Очень уж хотелось пощупать руками, как это всё работает. Представьте себе, не умел чего-то, а тут раз…, но пока облом.

Интуиция, кстати, шептала – подожди. Всё ещё впереди. Ещё будет шанс. И будет новый квест.

И он не ошибся. Как только он завершил свой небольшой диалог с учителем и классом, в его голове прозвучал глухой голос:

Квест выполнен.

Получена награда: +1.0 к силе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.